

ИРВИНГ

СТОУН

Происхождение

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.6(73)
ББК 84(7Coe)-44
С11

Серия «Зарубежная классика»

Irving Stone
THE ORIGIN

Перевод с английского *Ю. Фокиной*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения издательства
Doubleday, an imprint of the Knopf Doubleday Group,
a division of Penguin Random House, LLC.

Стоун, Ирвинг.

С11 Происхождение : [роман] / Ирвинг Стоун ; [перевод с английского Ю. Фокиной] — Москва: Издательство АСТ, 2017. — 896 с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-17-105650-6

Долгих пять лет кропотливого труда ушло у Ирвинга Стоуна, чтобы создать «Происхождение» — масштабный биографический роман о Чарлзе Дарвине, основоположнике теории эволюции, которая в свое время потрясла мировую науку и даже в наши дни по-прежнему вызывает множество споров.

Ирвингу Стоуну удалось проследить путь становления Чарлза Дарвина как ученого. Еще в юном возрасте, вопреки воле отца не пожелав заканчивать учебу на врача, а затем и на священника, он отправился в кругосветное путешествие на корабле «Бигль», где у него и зародилась идея теории о происхождении видов. Однако в романе Дарвин предстает перед нами не только как великий ученый, но и как вполне обычный человек, у которого в жизни было главное: большая крепкая семья, неизменно его поддерживавшая, и друзья, всегда оставшиеся ему верными...

Впервые без сокращений!

УДК 821.111-312.6(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-105650-6

© Irving Stone, 1980

Школа перевода В. Баканова, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

*Посвящается ДЖИН СТОУН —
спутнице всей жизни, редактору, това-
рищу и другу*

От автора

С огромным удовольствием хочу поблагодарить потомков Чарлза Дарвина за их любезность, готовность сотрудничать и дружбу, которую они дарили мне в течение пяти лет, что понадобилось на сбор материалов и написание настоящей книги. Леди Нора Барлоу из Кембриджа, последняя оставшаяся в живых внучка Чарлза Дарвина, проявила неслыханное великодушие (какое в течение полувека проявляла ко всем исследователям жизни и трудов ее великого деда), позволив мне цитировать ее опубликованные книги, а также использовать неопубликованные материалы из семейного архива. Благодарю также сына леди Норы Барлоу, профессора Бернарда Барлоу, который преподает в Калифорнийском университете в Беркли и Кембриджском университете. Правнук Чарлза Дарвина, мистер Джордж Дарвин, и его жена Анджела, живущие в Лондоне, очень помогли мне, предоставив обширную переписку Дарвина, как опубликованную, так и не опубликованную.

Благодарю семью Кейнс из Кембриджа: сэра Джеффри, выдающегося врача и писателя; профессора Ричарда Д. Кейнса, изучающего архивы с «Бигля»; доктора Майло Кейнса, издателя «Эссе о Джоне Мейнарде Кейнсе», и Квентина Кейнса. Все эти люди, кроме сэра Джеффри, доводятся правнуками Чарлзу Дарвину. Они предоставили мне неопубликованные материалы, отдельные из которых намечались включить в собственные книги, а также поделились своими идеями.

Сэр Хедли и леди Джуди Аткинс отреставрировали Даун-Хаус и вернули ему тот вид, который он имел в течение сорока

лет, пока его занимала семья Дарвин (затем изрядное время Даун-Хаус был штаб-квартирой Королевского общества хирургов). После наших двух более ранних визитов сэра Хедли и леди Джуди Аткинс пригласили нас несколько недель пожить и поработать в Даун-Хаусе, за что им огромное спасибо.

Наконец, выражаю глубочайшую признательность библиотеке Кембриджского университета, где хранится большая часть рукописей и корреспонденции Чарлза Дарвина. Под эти бесценные материалы отведено специальное крыло, которым вот уже пять лет с блеском заведует незаменимый Питер Готри, бакалавр гуманитарных наук. Спасибо преждему заведующему университетской библиотекой Эрику Б. Кэделу, научившему меня пользоваться каталогами. Доктор Сидней Смит из колледжа Святой Кэтерины показал мне горы дарвиновских рукописей и поделился некоторыми личными соображениями.

Все британские и американские авторы, пишущие о Чарлзе Дарвине, за единственным исключением, щедро делились со мной результатами своих изысканий и помогли сделать данный роман подлинным и правдивым жизнеописанием. Об их вкладе я подробнее напишу в конце романа.

*Ирвинг Стоун
Лондон, Кембридж, Шрусбери, Мэйр, Даун,
Плимут, Галапагосские острова, Беверли-Хиллз
1975—1980*

Предисловие

ИРВИНГ СТОУН

Мы знаем Ирвинга Стоуна как профессионального биографа и художника слова. Как пишет Маргерит Юрсенар в послесловии к своему роману «Воспоминания Адриана», у истории свои законы, а у поэзии, или «воображаемых воспоминаний», — свои; «и они не всегда противоречат друг другу». Так вот: Ирвинг Стоун тоже считает, что в руках сознательного писателя эти законы способны прекрасно взаимодействовать.

Стоун написал биографию одновременно традиционную и — подобно биографиям, вышедшим из-под пера мисс Юрсенар, Роберта Грейвза, Кэтрин Дринкер Боуэн — биографию, допускающую некоторую игру воображения. В книгах, посвященных Джеку Лондону («Моряк в седле») и Кларенсу Дарроу («Защита — Кларенс Дарроу»), Стоун обуздывает воображение в угоду фактам и документальным свидетельствам. В ранних романах, таких как «Жажда жизни» (о Винсенте Ван Гого), «Бессмертная жена, или Джесси и Джон Фримонт» (о Джесси Бентон-Фримонт), «Первая леди, или Рейчел и Эндрю Джексон» (о Рейчел Джексон), так же как и в более поздних — «Те, кто любит» (об Абигейл Адамс) и «Страсти ума» (о Зигмунде Фрейде), Стоун позволяет воображению заполнить отдельные пустоты, но не выходит за рамки обоснованных гипотез и не изменяет исторической достоверности.

Благодаря этим правилам Ирвинг Стоун пишет исследование тщательное и композиционно продуманное, и лишь немногие близкие друзья осознают, чего это ему стоит. Стоун не боится трудностей: подобно Маколею готов проехать сотни миль, чтобы уточнить один-единственный факт. Стоун считает, что дозиро-

ванное воображение способно оживить его героев, но в свое время опросил пятьдесят человек, чтобы выяснить истинные масштабы пацифизма Юджина Дебса, приговоренного к десяти годам тюрьмы (роман «Соперник в доме»). Стоун умеет посредством слога сделать описание ярче, но не ленится перерывать кипы старых газет, чтобы выяснить, как выглядели улицы Лексингтона, города в штате Кентукки, когда по ним гуляла маленькая Мэри Тодд («Любовь вечна, или Мэри Тодд и Авраам Линкольн»).

Таким образом, Стоун не отступает от исторической канвы, чему выучился у Герберта Юджина Болтона в Калифорнийском университете (год окончания 1923-й). Я сам слышал от Анны Струнски, с каким упорством Стоун выпытывал у нее сведения о Джеке Лондоне (последний обожал Анну за «пылкое сердце»). Еще кто-то рассказывал, как Стоун, намереваясь писать о чете Линкольн, требовал предоставить ему точные планы второго этажа Белого дома, где располагались их личные апартаменты. А планов этих ни у кого не было, даже у Уильяма Адамса Делано, эксперта по архитектуре Белого дома. Планировку давно изменили, размеры комнат стали иными, добавились новые архитектурные детали. И все же Ирвинг Стоун чувствовал, что должен знать, какова была площадь гостевой комнаты и куда эта комната выходила окнами (ведь в ней умер Вилли Линкольн), а также представлять длину коридора, который мерил шагами президент, когда война обрушилась на его плечи тяжким бременем. В конце концов, суммировав информацию из мемуаров, писем, газет и других источников, Стоун сам начертил план помещения, и дальше уже с его помощью визуализировал мизансцены, не боясь впасть в историческую ошибку.

Ирвинг Стоун гордится своей профессией, гордится тем, что зависит только от своего пера. В его работе есть система; она предполагает строгий режим. В девять утра он уже за письменным столом, и не важно, пришло вдохновение или нет — Стоун шагу не сделает из кабинета, ибо знает, что вдохновению очень способствует методичная, целенаправленная работа. И нужно быть на месте, когда вдохновение наконец явится. В полдень следует легкий перекус, разминка — пешая прогулка или плавание, — и снова в кабинет, до шести вечера.

Успех пришел не сразу: двоих детей Стоуны растили, сталкиваясь с теми же трудностями, что и большинство семей. Нанять помощника в изысканиях Стоун смог не раньше, чем взялся за

историю Запада Америки, роман «Достойные моих гор». В Италии, работая над «Муками и радостями», Стоун совсем закопался в материалах о Микеланджело на итальянском, французском, немецком и латинском языках и был вынужден увеличить число своих помощников.

Ирвинг Стоун особенно радовался, что «Жажда жизни» признана на двух уровнях — во-первых, переведена на три десятка языков, во-вторых, сломала больше барьеров к признанию импрессионизма и постимпрессионизма, чем какая бы то ни было другая книга. Стоун получил множество благодарностей и от профессиональных художников, и от обычных любителей живописи.

В то же время у Ирвинга Стоуна достаточно доказательств того, что его книги позволяют сотням тысяч читателей как воочию увидеть ту или иную историческую личность, так и ощутить дух соответствующей эпохи — то есть избранный им метод является самым верным и эффективным.

*Аллан Нивинс,
профессор американской истории
в Колумбийском университете*

В самом себе живет бессмертный дух,
Внутри себя создать из ада небо
Способен он и небо — сделать адом¹.

Джон Мильтон. Потерянный рай. 1667 г.

Книги — это наследие, оставляемое гением человечеству; наследие, передаваемое из поколения в поколение, точно дары тем, кто еще не явился на свет.

Джозеф Аддисон. Зритель. 10 сентября 1711 г.

Вот бы прожить еще лет двадцать и сохранить работоспособность — как бы я тогда усовершенствовал «Происхождение»; и вообще, сколь многие взгляды требуют пересмотра! Как бы то ни было, начало положено, а это уже кое-что...

Чарлз Дарвин — Джозефу Гукеру, 1869 г.

Романы — плоды воображения, пусть и не высшего качества — в течение многих лет являлись для меня способом отдохнуть, и я благословляю всех романистов. Впечатляющее количество романов было прочитано мне вслух; все они неизменно мне нравились, если только отвечали основным требованиям художественного произведения и заканчивались хорошо; по-моему, следует издать закон, запрещающий несчастливые концовки. На мой вкус, роман не может считаться первоклассным, если в нем не фигурирует персонаж, заслуживающей искренней любви; в идеале этот персонаж — привлекательная женщина.

Чарлз Дарвин. Автобиография. 1876 г.

¹ Перевод О. Чюминой. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Часть первая

СУХОПУТНОЕ СОЗДАНИЕ

Книга первая «НАЙДЕШЬ ХОТЬ ОДНОГО ЗДРАВОМЫСЛЯЩЕГО ЧЕЛОВЕКА...»

1

Он подошел к умывальному шкафчику красного дерева, опустил кисть в белую с синими цветами лоханку для бритья, стоявшую на круглой полочке, налил горячей воды из медного кувшина, намылил бело-розовое лицо и лишь затем открыл наточенную стальную бритву с эбонитовой рукоятью.

Благодаря рыжевато-каштановым бачкам, закрывавшим скулы, ежедневное бритье отнюдь не казалось двадцатидвухлетнему Чарлзу Дарвину тяжелой повинностью, а, напротив, доставляло известное удовольствие. Ему всего-то и требовалось, что пройти бритвой по румяным щекам и округлому подбородку. Яркие губы выглядели мелковатыми при таких-то выразительных карих, в лиловую крапинку глазах — глазах, которые замечали и фиксировали абсолютно всё.

Чарлз тщательно смыл остатки пены, взял две щетки в серебряной оправе и точным движением разделил длинные рыжие волосы так, что большая прядь почти закрыла правое ухо, затем зачесал другую прядь на левое ухо — она легла красивой волной. Достал из орехового комода свежую белую сорочку, застегнул высокий, туго накрахмаленный воротничок, уголками подперший бачки, поверх воротничка пышным узлом повязал темно-коричневый галстук. Обычно Чарлз брился по утрам, едва проснувшись, однако нынче хотел провести день на Северне, в семейном ялике, за рыбалкой и коллекционированием, и тянул с бритьем и одеванием почти до приезда профессора Адама Седжвика.

Над широкой лестницей плыл аромат гусиного пирога — одного из шедевров кухарки Энни, обожаемого в Шрусбери. Энни стряпала гусиный пирог, когда к обеду ожидали особого